Изъ книгъ Графа С.Д. Шереметева I.

N. ШК. CCII П. 8/34

Библиотека ОЛЯ
Академии наук СССР
653
37

КАТОЛИЦИЗМЪ И РОССІЯ.

Въ № 355 *Московскихъ Вѣдомостей* напечатано письмо г. Н. А., въ которомъ говорится о совращеніи въ католицизмъ двухъ петербургскихъ дамъ и объ отказѣ двухъ гимназистовъ-католиковъ стать на колѣна во время благодарственнаго молебна за спасеніе Государя (17 октября).

Оба факта вѣрны; но не вѣренъ, мнѣ кажется, взглядъ высказываемый по этому поводу вашимъ корреспондентомъ:

Г. Н. А. глубоко „возмущенъ“ этими фактами, какъ впрочемъ и большинство всѣхъ тѣхъ съ которыми мнѣ приходилось говорить о нихъ.

Мнѣ же кажется что на все это дѣло слѣдуетъ посмотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія: факты эти, хотя и прискорбны, *сами по себѣ* не важны; скажу болѣе: и дамы и гимназисты не только не могли, но и *не должны* были поступить иначе чѣмъ они поступили: они (*субъективно*) совершенно *правы*.

Надѣюсь что ваши читатели не остановятся на этихъ словахъ и выслушаютъ до конца то что̀, по такому началу, можетъ казаться имъ чудовищнымъ парадоксомъ. Повторяю: факты которые приводятъ въ негодованіе петербургское общество имѣютъ значеніе не сами по себѣ и важны лишь какъ внѣшніе симптомы, какъ признаки серіознаго патологическаго состоянія нашего общества. Слѣдуетъ не возмущаться, а спокойно и объективно обсудить дѣло, и затѣмъ подумать о полученныхъ, такимъ образомъ, выводахъ. Правда—выводы будутъ не утѣшительные.

—

Вашъ почтенный корреспондентъ жалѣетъ, повидимому, о старомъ „добромъ“ времени и полагаетъ что его можно вернуть! Онъ, кажется мнѣ, впадаетъ въ грубую ошибку.

Стараго времени вернуть нельзя потому, въ особенности, что тотъ католицизмъ съ которымъ намъ приходилось бороться въ „старое“ время—уже не существуетъ. Католицизмъ съ 1870 года принципіально измѣнился, и съ этимъ новымъ католицизмомъ бороться гораздо труднѣе нежели съ прежнимъ, старымъ.

Вопросъ который мною затронутъ настолько сложенъ и труденъ что я долженъ просить у моихъ читателей позволеніе войти въ нѣсколько подробное разсмотрѣніе его элементовъ и затронуть новѣйшую исторію католической церкви. Только уяснивъ себѣ эту сторону дѣла будемъ мы имѣть возможность понять *съ какимъ врагомъ* мы имѣемъ дѣло, а стало-быть понять и то *что̀* намъ самимъ должно дѣлать.

—

Прежде однако нежели изучить новыя свойства нашихъ враговъ—мы должны осмотрѣться и спросить самихъ себя, не произошла ли *и въ насъ* какая-нибудь перемѣна, затрудняющая возвращеніе къ „старому времени“ и къ тѣмъ мѣрамъ которыя когда-то были совершенно пригодны и на которыя повидимому намекаетъ г. Н. А.

Да, и мы измѣнились, и измѣнились къ худшему: мы сдѣлались къ несчастію и къ стыду нашему болѣе рав-

нодушными къ тому что происходитъ и у насъ самихъ дома, въ нашей Русской Церкви, и къ тому, въ особенности, что дѣлается въ остальныхъ православныхъ церквахъ, составляющихъ вмѣстѣ съ нашею „*единую* святую *соборную* и апостольскую церковь“.

О томъ какъ дѣла идутъ у насъ самихъ дома я говорилъ въ моей предыдущей статьѣ (*расторженіе браковъ въ Англіи*, № 356 *Моск. Вѣд.* 1888). Относительно того что дѣлается въ предѣлахъ нашей же православной Церкви, но *за нашею политическою* границей, въ другихъ ея автокефальныхъ частяхъ, должно сказать то же самое: дѣла и тутъ идутъ хуже прежняго: католическій западъ насильственно вторгается въ предѣлы нашего православнаго Востока, православные законные архипастыри изгоняются, престолы ихъ сиротствуютъ или захватываются самозванцами; вліяніе Церкви сокращается, умаляется, падаетъ.

Это незавидное положеніе происходитъ главнѣйше отъ того что мы, Русскіе, подчиняемъ интересы *религіозные* интересамъ *политическимъ*, считаемъ послѣдніе важными, а первые второстепенными.

Теперь не время заниматься богословіемъ“, говорятъ намъ, „пусть прежде рѣшатся вопросы политическіе, тогда примемся и за остальные, коихъ важность мы впрочемъ никогда не отрицали и не думаемъ отрицать!“

Точно, подумаешь, вопросы политическіе могутъ быть когда-либо рѣшены *окончательно*, такъ чтобъ ихъ можно было сдать въ отдаленный какой-нибудь архивъ!

Мы повидимому не можемъ постигнуть той простой истины что мы именно и попали въ непроходимое политическое болото, благодаря тому что забыли о нашей Церкви. Мы повидимому не понимаемъ даже и теперь что ежели бы, по окончаніи войны, мы дали Церкви подобающее ей значеніе и вліяніе на дѣла, ежели бы мы не упустили изъ виду что она была единственною *организованною* силой на Востокѣ, ежели бы мы въ Болгаріи не дали ее съѣсть парламентаризму, мы бы никогда не дожили до настоящей траги-комедіи, до настоящей кровавой оффенбаховщины, съ которой мы не можемъ справиться.

Справедливо было замѣчено на дняхъ одному изъ нашихъ выдающихся дипломатовъ однимъ вліятельнымъ и высокопоставленнымъ лицомъ что *вся наша политика на Востокѣ должна опираться на Церковь*. А вотъ на практикѣ произошло и происходитъ совершенно иное...

Будемъ надѣяться что мы поймемъ наконецъ истину словъ сказанныхъ этимъ высокопоставленнымъ лицомъ, и что нашедшее на насъ умственное затменіе скоро окончится, что мы образумимся!

—

Но ежели намъ „позволительно“ надѣяться на исправленіе собственнаго *нашего* положенія, то того же никакъ нельзя сказать про наши отношенія къ католицизму; тутъ стараго времени не вернешь! Въ католицизмѣ произошли перемѣны принципіальныя; тотъ старый католицизмъ съ которымъ намъ приходилось бороться до 1870 года отошелъ въ вѣчность и замѣненъ совершенно инымъ съ которымъ борьба несравненно труднѣе.

Превращеніе Римскаго патріархата въ настоящее теократическое государство съ непогрѣшимъ „Papa Re“ во главѣ совершилось конечно не вдругъ. Правда христіанства, присущая когда-то великой римской церкви, защищалась отчаянно; борьба длилась почти десять вѣковъ, и только на нашей памяти могъ быть провозглашенъ чудовищный догматъ личной непогрѣшимости папы даже безъ согласія Церкви, etiam sine consensu Ecclesiae!

Принципъ свободы былъ задушенъ принципомъ авторитета; папа провозглашенъ непогрѣшимымъ судьей не только въ вопросахъ вѣры, но и въ вопросахъ нравственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ стало-быть и все то что когда-либо какимъ бы то ни было папой было высказано въ качествѣ учащаго (ex cathedra) сдѣлалось несомнѣнною истиной, догматомъ, не вѣрить которому запрещено подъ страхомъ анаѳемы!

Понятно что человѣческая совѣсть не безъ ярой борьбы подчинилась такому чудовищному ученію, но въ концѣ концовъ Лойола восторжествовалъ. Западная церковь была порабощена.

Рука объ руку съ борьбой противъ элемента свободы и вопреки очевиднѣйшихъ указаній Слова Божія велась не менѣе ожесточенная борьба папства и противъ государства и въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій удачно для папы; онъ вскорѣ сталъ не только главой церкви, но и главой міра: высшее свѣтское могущество въ лицѣ императора Германскаго преклонилось предъ нимъ въ Каносскомъ замкѣ, онъ назначалъ и прогонялъ королей и императоровъ, раздавалъ и отнималъ царства не только существующія, но и будущія (разграниченіе Америки между Испаніей и Португаліей). Онъ, вопреки изреченію самого Христа о томъ что царство Его не отъ міра сего и что Кесарево подобаетъ отдавать Кесарю, сдѣлался не только свѣтскимъ государемъ, но и государемъ всего свѣта...

И вотъ мало-по-малу все это отошло въ вѣчность. Можно ли забыть про такое величіе, *можно ли не желать такъ или иначе вознаградить себя за его потерю*? Борьба папы изъ-за мірской власти кончилась *противъ* него; правда, съ балкона храма Св. Петра онъ все еще даетъ благословеніе urbi et orbi, но и urbs и orbis вышли изъ-подъ его власти; Кесарь отобралъ отъ него свое законное имущество.

Тѣмъ съ большею энергіей и настойчивостію папа началъ усиливать свою власть въ мірѣ духовномъ; и здѣсь пришлось ему обороняться, и здѣсь онъ понесъ потери весьма чувствительныя: англо-саксонская раса почти цѣликомъ отошла отъ него и образовала свои отдѣльныя церковныя общества, основавъ ихъ на принципѣ противоположномъ тому который былъ излюбленъ Римомъ. Римъ основалъ все на принципѣ авторитета, уничтоживъ всякую свободу („cadaver esto“). Протестантство отбросило всякій авторитетъ и все основало на свободѣ! Оба противника забыли что истинная Христова Церковь основана на *обоихъ* этихъ принципахъ и не видятъ той коренной ошибки которая должна привести ихъ къ погибели.

Тѣмъ не менѣе борьба внутри своей церкви, умаленной, правда, отпаденіемъ всей сѣверной и сѣверозападной Европы, продолжалась успѣшно для Рима. Геніальный Лойола могущественною рукой поддержалъ расшатанный Лютеромъ престолъ Григорія VII, Портъ-Рояль погибъ, протестантство изгнано было изъ Венгріи, Польши и Литвы, наконецъ пала и знаменитая церковь галликанская! Побѣда была полная и въ 1870 году на папскую тіару былъ возложенъ вѣнецъ непогрѣшимости!

—

Но могъ ли папа помириться съ такимъ положеніемъ дѣлъ? Могъ ли онъ удовольствоваться этимъ усиленіемъ до безконечности своего авторитета, своей власти *на умаленной территоріи?* Конечно нѣтъ!

Потерявъ всякую надежду на возвращеніе территоріи отвоеванной у него протестантствомъ у народовъ англо-саксонскихъ и невѣріемъ у народовъ Романскихъ, папа съ тѣмъ большею жадностію устремилъ свои взоры на Востокъ. Добыча казалось была не трудная: Крестоносцы Запада отнажды тамъ уже хозяйничали, хозяйничали жестоко и долго. Императоры византійскіе два раза готовы были подчиниться гордому „наслѣднику Петра“, имя его поминалось уже въ Св. Софіи; Чехи послѣ отчаянной борьбы, а Поляки добровольно уже ему подчинились; унія, это коварнѣйшее изо всѣхъ измышленій Рима, уже пустила корни во всей Западной Россіи; казалось, и Востокъ и вся славянская раса готовы были подчиниться Риму и вознаградить его за многочисленные потери...

Но вотъ поперекъ дороги становится могущественная православная Россія и полагаетъ предѣлъ завоеваніямъ Рима; унія надломлена и уніаты „отторгнутые насиліемъ возвращены любовію“ въ лоно ихъ родной церкви; православный народъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ Галиціи, въ Венгріи ищетъ опоры въ Русской Церкви и смотритъ съ упованіемъ на православное Русское царство... Риму приходится на каждомъ шагу встрѣчать Россію. Можно ли сомнѣваться въ искренности и глубинѣ того чувства ненависти которую питаетъ къ намъ Римъ и каждый его *добрый* подданный, *въ особенности же каждый неофитъ*, приведшій въ порядокъ и равновѣсіе свои мысли?!

—

Борьба римской куріи съ Россіей началась давно то лестью (Даніилъ Галицкій), то ложью (Василій Темный), то открытымъ насиліемъ (смутное время) старались папы отторгнуть насъ отъ нашей Церкви и всегда встрѣчали отпоръ.

Но папа, какъ я уже сказалъ, хотя и потерялъ около половины своихъ подданныхъ внѣ Италіи, *значительно усилился у себя дома*, усилился настолько что что могъ провозгласить себя непогрѣшимымъ. Посмотримъ же какое измѣненіе внесъ этотъ новый страшный догматъ и въ положеніе самого папы, и въ его отношенія къ своимъ подданнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ его врагамъ?

Измѣненіе это коренное, принципіальное: принципу авторитета, доведенному до безконечности (непогрѣшимость), соотвѣтствуетъ и доведенная до безконечности дисциплина „Sacrifizio del intelletto“, жертвоприношеніе ума, которое требуется христіанскою Церковью лишь въ случаяхъ чрезвычайныхъ, при обсужденіи вопросовъ превышающихъ размѣры и силы человѣческаго разума, сдѣлалось требованіемъ обыкновеннымъ. То что прежде могло обсуждаться какъ сомнительное, сдѣлалось теперь догматомъ и обсужденію болѣе не подлежитъ: Infallibilis Magister dixit!; наконецъ на науку положены тяжелыя оковы. Подданные папы перестаютъ разсуждать, вводится желѣзная дисциплина мысли; „cadaver“ движется, дѣйствуетъ, но уже не самостоятельно, а какъ страшная, послушная машина!

Всѣ эти перемѣны не могли не отразиться на всемъ строѣ католическаго міра; они безъ сомнѣнія ослабили въ немъ христіанскій элементъ, понизили его нравственный уровень, *но безъ сомнѣнія тоже увеличили и его боевую силу*. Многіе уже отпали отъ Рима, еще множайшіе отпадутъ со временемъ, но тѣ которые останутся, будутъ воины надежные, закаленные!

„Пусть отпадутъ отъ меня“, думаетъ іезуитъ, „наиболѣе нравственные, наиболѣе просвѣщенные изъ моихъ подданныхъ, пусть останутся при мнѣ одни рабы, но съ этими оставшимися при мнѣ моими поклонниками, слѣпо мнѣ преданными, готовыми за меня и умирать, и убивать, я вступлю въ послѣднюю отчаянную борьбу съ моими врагами и сломлю ихъ... во всякомъ случаѣ не сдамся, не пойду (ибо не могу—non possumus) на малодушныя уступки, и если придется погибать, то погибну повторяя гордыя слова благороднаго Риччи „Sint ut sunt, aut non sint!“

Вотъ тѣ перемѣны которыя произошли въ католицизмѣ, въ станѣ нашихъ враговъ и вслѣдствіе которыхъ борьба съ ними и принимаетъ все болѣе и болѣе ожесточенный характеръ.

—

Въ прежнее время, о которомъ жалѣетъ вашъ корреспондентъ, враги наши были иного характера, защищаемыя ими мнѣнія не были столь безусловны, сами они были болѣе сговорчивы; нынѣ всѣ умѣренные элементы, присущіе когда-то католицизму и облегчавшіе сношенія съ нимъ, изъ него выдѣлились: *пощады и мира ожидать намъ можно лишь подъ условіемъ рабства;* поэтому и всякое соглашеніе съ Римомъ, всякій уговоръ съ нимъ будетъ—ложь.

Въ католической церкви, гдѣ когда-то раздавались голоса Боссюэтовъ, Гонтгеймовъ, гдѣ былъ возможенъ Портъ-Рояль, слышится теперь лишь команда Лойолы и І. де-Местра! Отношенія между Римомъ и всѣми другими государствами обострились. Въ особенности они сдѣлались враждебными къ Россіи—главному, если не единственному препятствію латинскаго Drang nach Osten, гораздо болѣ опаснаго нѣмецкаго Drang'а *.

Причину этого явленія понять не трудно. Вдумаемся въ нравственное состояніе папы, и мы легко поймемъ почему онъ все болѣе и болѣе становится, *и долженъ становиться,* несговорчивымъ и преимущественно относительно насъ.

Чтобы понять мысль или чувство человѣка, необходимо стать на его мѣсто; тогда многое неясное сдѣлается понятнымъ.

Папа не находится въ положеніи простаго противника, съ которымъ можно дѣйствительно сговориться на основаніи обоюдныхъ уступокъ, ко-

* Къ несчастію, это не для всѣхъ ясно; проклятая политика многихъ ослѣпляетъ.

тораго можно убѣдить что онъ въ томъ или другомъ случаѣ, въ томъ или другомъ отношеніи ошибается, что онъ не правъ, что онъ можетъ и уступить. Папѣ очень трудно стать на эту точку зрѣнія когда дѣло идетъ о дѣлѣ ему близкомъ; „non possumus“, твердитъ онъ, и онъ дѣйствительно *по совѣсти* не можетъ допустить мысли что онъ ошибается. Онъ вѣдь непогрѣшимъ! Онъ владыка міра и нравственнаго и свѣтскаго, онъ не можетъ забыть ни своего прошлаго политическаго величія, *ни своей новой непогрѣшимости*: цезарь ползалъ во прахѣ предъ Гильдебрандомъ, думаетъ онъ, а Гильдебрандъ жилъ въ такое время когда о непогрѣшимости и не думали, когда папы, при восшествіи на престолъ, еще обязаны были (по старому требнику) проклинать еретика Гонорія... а тутъ, вотъ, и не чета цезарю, а не подчиняется, споритъ... бунтуется!...

Чувство это совершенно понятно въ каждомъ человѣкѣ служащемъ болѣе или менѣе представителемъ авторитета, а папа не только авторитетъ, онъ *непогрѣшимъ!* Понятно что человѣкъ авторитетнаго склада ума, напримѣръ Лудовикъ XIV или Николай Павловичъ, отнесутся менѣе благосклонно и терпѣливо къ какой бы то ни было оппозиціи нежели другой человѣкъ не имѣющій ни силы, ни власти, ни вѣры въ свое призваніе быть представителемъ самаго принципа авторитета. Что же долженъ ощущать папа непогрѣшимый даже въ вопросахъ *нравственности* (а что не подойдетъ подъ эту рубрику?)? Вѣдь это человѣкъ который говоритъ съ полною увѣренностью въ своей правотѣ: „La *chiesa* son Io“! а предъ этимъ „La chiesa son Io“ гордое „l'Etat c'est moi!“ Лудовика XIV дѣтскій лепетъ!!

Люди знающіе Востокъ * говорятъ что съ китайскими мандаринами очень трудно спорить, что на ихъ слово трудно положиться, потому что, по мнѣнію китайскихъ христовъ, всякій кто противится богдыхану, владыкѣ вселенной, есть бунтовщикъ; бунтовщиками почитаются и иностранные государи ведущіе противъ богдыхана войну; поэтому стало-быть съ такими противниками все дозволено, ихъ даже не безнравственно и обманывать. Нѣчто подобное повторяется и въ переговорахъ съ представителями Рима; враги Рима не только обыкновенные враги, *они еще и бунтовщики*, и богоотступники!

Не забудемъ что все это говорится и думается совершенно серіозно и искренно, что всѣ эти мысли и чувства значительно усилились благодаря недавней побѣдѣ надъ врагами внутренними (надъ либеральною партіей противившеюся провозглашенію непогрѣшимости), и мы поймемъ что за эти послѣднія 18 лѣтъ произошло въ католическомъ мірѣ, почему сношенія съ нимъ дѣлались гораздо затруднительнѣе нежели прежде и почему доброе старое время, о которомъ жалѣетъ вашъ корреспондентъ, *не вернется!*

Съ 1870 года католическая церковь превратилась въ „боевую монархію“. Глава ея, папа, не только желаетъ покорить себѣ міръ, но и *долженъ* къ этому стремиться какъ непогрѣшимый носитель безусловной истины; онъ не долженъ, не имѣетъ права влагать мечъ свой въ ножны пока всѣ люди не будутъ его подданными безправыми и послушными, и монархія эта стремится къ порабощенію человѣчества совсѣмъ не Христу и Его истинѣ, а лишь самой себѣ, папѣ; она готова даже поступиться этою истиной, и даже въ значительной степени; это вполнѣ выяснено исторіей католическихъ миссій въ Индіи и Китаѣ: язычникамъ разрѣшались всякія отступленія отъ догматовъ, требовалось одно—подчиненіе папѣ; то же самое, хотя конечно въ менѣе рѣзкихъ формахъ, говорилось и тѣмъ которые совращались въ унію! При чемъ же тутъ истина?!

—

Я позволилъ себѣ сдѣлать это отступленіе для того собственно чтобы выяснить предъ читателемъ нравственное состояніе и самого непогрѣшимаго главы католицизма и его подданныхъ. Теперь, надѣюсь, будетъ понятно почему борьба обострилась не только съ нимъ самимъ (Пій VII или Григорій XVI были не-

* Пишу это нисколько не съ тѣмъ чтобы представить Римъ въ смѣшномъ видѣ. Китай смѣшонъ только для людей его не знающихъ, люди его изучавшіе относятся къ нему совершенно иначе. Римъ нашъ врагъ, но врагъ великій, а отнюдь не смѣшной.

сравненно скромнѣе въ переговорахъ съ нами), но и съ его такъ-называемыми дѣтьми, со всѣми его подданными, которые тоже уже не могутъ дѣлать намъ уступокъ.

Конечно въ прежнее время и гимназисты-католики стали бы на колѣна и вообще многое другое произошло бы не такъ какъ теперь; но повторяю: теперь времена измѣнились.

Въ подтвержденіе моихъ словъ я остановлюсь на отказѣ этихъ дѣтей исполнить приказаніе ихъ начальства.

Запрещеніе сноситься со схизматиками, не входить въ ихъ храмы высказываемо было папами не разъ, но это были распоряженія папъ погрѣшимыхъ, сталобыть и исполнять ихъ можно было допуская нѣкоторую „снисходительность“. Но теперь не то! Всякая булла имѣющая характеръ не помѣстный, а общій, сдѣлалась строго обязательною, никакой снисходительности, никакихъ отступленій не допускается подъ страхомъ анаѳемы.

Въ прошломъ году вопросъ этотъ былъ разъясненъ самымъ положительнымъ образомъ, и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Юбилейное торжество королевы Викторіи происходило въ храмѣ Вестминстерскаго аббатства; но аббатство это англиканское, еретическое! Какъ слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ правовѣрнымъ (католикамъ) Англичанамъ? они обратились къ наиболѣе авторитетному лицу между англійскими католиками, къ кардиналу Маннингу; почтенный кардиналъ разсмотрѣлъ обстоятельно все дѣло, и, несмотря на свою преданность королевѣ, запретилъ Англичанамъ-католикамъ входить въ еретическій храмъ—unless on duty (то-есть за исключеніемъ принимающихъ служебное участіе въ церемоніи, „дежурныхъ“).

Случай разказанный вашимъ петербургскимъ корреспондентомъ совершенно тождественъ: отъ двухъ мальчиковъ-католиковъ требуютъ не только чтобъ они шли осквернять въ еретическій храмъ, но даже чтобъ они принимали нѣкоторое дѣятельное участіе въ церковномъ торжествѣ своихъ враговъ! Понятно что они отказываются! Можно ли ихъ осуждать? Нѣтъ, ихъ совѣсть связана безусловными приказаніями свыше! То же самое должно сказать и про ксендза. Ксендзъ этотъ имѣлъ, конечно, въ виду тѣ же самыя буллы которыя имѣлъ въ виду и кардиналъ Маннингъ: обсуждать ихъ нельзя! Въ прежнія времена католикъ, даже преданный своей вѣрѣ, могъ надѣяться на отмѣну папскихъ велѣній; существовала законная форма аппелляціи „ad Papam melius informatum“, теперь ея не существуетъ, всѣ папы непогрѣшимы, стало-быть одинаково bene informati; остается одно—слѣпо подчиняться! Можно ли осуждать ксендза? Тоже сталобыть нѣтъ; *конечно, нѣтъ!* Его совѣсть тоже связана!

—

Я стало-быть могу смѣло повторить слова сказанныя мною въ началѣ моей статьи: и гимназисты, и ихъ законоучитель, и дамы вѣроотступницы не только *не могли*, но даже *не должны* были поступить иначе какъ они поступили; *они субъективно совершенно правы*, они даже будутъ совершенно правы (конечно все только субъективно) если, исполняя предначертанія своего владыки, или даже предугадывая его желанія, примутъ дѣятельное участіе въ его постоянной борьбѣ противъ насъ. Es liegt in der Natur der Sache, какъ говорятъ Нѣмцы. Это ихъ *нравственный долгъ!* es laesst sich nicht abphilosophiren.

Отпадающій въ католицизмъ, если онъ честенъ, послѣдователенъ, если онъ не боится своихъ собственныхъ мыслей, непремѣнно дѣлается врагомъ не только православія, но и Россіи; только человѣкъ не умѣющій привести своихъ мыслей въ порядокъ, не понимающій къ какому результату онъ въ концѣ концовъ долженъ будетъ придти, можетъ надѣяться помирить эти противорѣчія.

Скажу болѣе, не только окончательное ренегатство, не только окончательный переходъ изъ нашего лагеря въ лагерь нашихъ враговъ превращаетъ перебѣщика во врага, но даже одно приближеніе къ непріятельскому лагерю человѣка еще колеблющагося уже дѣлаетъ его враждебнымъ Россіи и православію.

Это подтверждается примѣромъ талантливаго автора не давно появившейся брошюры: чѣмъ ближе подходилъ онъ къ Риму тѣмъ враждебнѣе

относился онъ къ намъ. Никогда не становился онъ такъ близко къ непогрѣшимому папѣ какъ теперь въ послѣдней своей брошюрѣ и никогда тоже не возставалъ онъ такъ жестоко, такъ страстно и на Россію и на православную Церковь; въ его брошюрѣ встрѣчаются даже такія выраженія которыя употребляются лишь необдуманно, лишь въ минуты гнѣва и негодованія, и о которыхъ самому приходится въ послѣдствіи жалѣть. Но и онъ *правъ* (субъективно): своими рѣзкими нападками на насъ, на все намъ дорогое, онъ только доказываетъ что онъ послѣдователенъ, логиченъ и что онъ не труситъ предъ своими собственными мыслями и не прячется отъ ихъ результатовъ.

—

Сказанное мною, конечно, вызоветъ рѣзкія опроверженія. Я на нихъ сумѣю отвѣтить; пока я ограничусь слѣдующимъ:

Мнѣ возразятъ, и уже возражали, что по-моему выходитъ что православный *можетъ* быть хорошимъ подданнымъ Русскаго государства, а католикъ *нѣтъ*.

Я на это замѣчу слѣдующее:

Я говорилъ преимущественно о католикахъ-„неофитахъ“ и о „добрыхъ“ католикахъ; въ смыслѣ католиковъ вѣрующихъ, инфаллибилистовъ; къ счастію, и первыхъ, и вторыхъ немного. Убѣжденныхъ инфаллибилистовъ даже очень мало (пока).

Я беру стало-быть католиковъ настоящихъ „добрыхъ“, и ставлю имъ такой вопросъ:

„Въ борьбѣ нашей съ папой на чьей сторонѣ будутъ и *должны быть* ваши симпатіи, на сторонѣ папы и католицизма, или на сторонѣ православія и Россіи?“

Конечно, на сторонѣ первыхъ, отвѣтятъ они, если они честны. Но вѣдь только слѣпой можетъ не видѣть что борьба эта уже въ полномъ разгарѣ, что главный нашъ врагъ и на Востокѣ, и на Балканскомъ полуостровѣ, и въ Западномъ краѣ, и всюду все тотъ же *современный католицизмъ!* А на которой сторонѣ мои симпатіи, той я вольно или невольно помогаю!

Вотъ почему всякій добрый католикъ или неофитъ—врагъ Россіи сознательно или безсознательно!

„Да вы бы *подчинились*“, говоритъ на это наивный г. Астромовъ, „тогда не будетъ и борьбы!...“

Вотъ развѣ такъ! Подумаемъ. Спасибо за совѣтъ!

—

Недавно еще пришлось мнѣ слышать подтвержденіе моихъ мыслей въ разговорѣ съ одною очень талантливою женщиной, тоже недавно совращенною въ католицизмъ.

„Мы съ вами дружны, но тѣмъ не менѣе принадлежимъ къ враждебнымъ лагерямъ и находимся въ постоянной враждѣ“, говорила она мнѣ, „во враждѣ которая непремѣнно должна кончиться вашимъ пораженіемъ и главнѣйше потому что вы насъ, католиковъ, не знаете и не понимаете. Между нами идетъ борьба на смерть, а вы думаете оградиться отъ насъ разными бумажными условіями, конкордатами! Намъ самимъ, лично, по человѣчеству, можетъ быть и противна такая истребительная война (guerre d'extermination), но мы *вынуждены* ее вести такимъ образомъ: mors tua—vita mea, и мы васъ побѣдимъ, потому что вы не умѣете такъ воевать, какъ умѣемъ мы; не умѣете и пропагандировать такъ какъ мы. Вы увѣряете что мы употребляемъ для пропаганды не чистыя и не нравственныя средства—можетъ-быть; но мы преуспѣваемъ, именно благодаря тому что не задаемся рѣшеніемъ метафизическихъ задачъ, а просто боремся всѣми средствами и вербуемъ подданныхъ святому отцу! Главное условіе нашего успѣха заключается въ томъ что вы насъ, католиковъ, до сихъ поръ не знаете и не понимаете, и постоянно занимаетесь частностями, не соображая что онѣ не имѣютъ значенія сами по себѣ; въ частныхъ случаяхъ вы насъ иногда и побѣждаете; а въ общемъ—мы идемъ впередъ, а вы отступаете!“

Моя собесѣдница могла бы прибавить: посмотрите на Балканскій полуостровъ! Михаилъ — изгнанъ, Касановичъ—изгнанъ! въ Галиціи Русскіе православные притиснуты къ стѣнѣ, монастыри ихъ отбираются и передаются католикамъ; въ Босніи и Герцеговинѣ уже сидятъ іезуиты, католическія школы открываются, а православныя закрываются и т. д. *Ваша мѣрка слишкомъ для насъ коротка!*

Новообращенная говорила не свои мысли, а повторяла, можетъ-быть даже слишкомъ откровенно и недипломатично, слова своего новаго „directeur de conscience“, весьма выдающагося католическаго „контроверсіалиста“ и „катехизатора“.

Но это безразлично; важно то что самыя мысли эти совершенно вѣрны: мы не понимаемъ самаго естества католицизма, судимъ о немъ не вѣрно. Въ нашей оцѣнкѣ двѣ ошибки: мы вѣримъ въ возможность сговориться съ папой, то-есть найти modus vivendi съ нашимъ „принципіальнымъ“ врагомъ, который не проситъ, но и не даетъ пощады, и мы не сознаемъ его настоящей боевой силы. Врагъ этотъ гораздо сильнѣе нежели мы думаемъ, но сила его не въ его научной, богословской правотѣ, а въ крѣпкой организаціи и желѣзной дисциплинѣ его войскъ, въ особенности въ его строгой послѣдовательности и тонкой выработкѣ плана.

—

Но чего же вы желаете? спросятъ меня. Вы не хотите чтобы мы возмущались совершаемыми предъ нашими глазами совращеніями, говоря что это дѣло внутренняго чувства, дѣло совѣсти; вы оправдываете гимназистовъ и ксендзовъ отвращающихся отъ нашего богослуженія, потому что на это есть указанія въ какихъ-то буллахъ; вы говорите что „добрые“ католики и всего болѣе конечно „вновь обращенные“ *не могутъ насъ не ненавидѣть, не презирать* и что все это какъ будто такъ и быть должно? что же дѣлать наконецъ? не сидѣть же намъ сложа руки, дураками!?

Конечно нѣтъ, отвѣчу я, даже совершенно на оборотъ; мы и такъ слишкомъ долго сидѣли сложа руки, слишкомъ долго бездѣйствовали! Но не тѣмъ поправимъ мы наши дѣла что будемъ возмущаться каждымъ частнымъ случаемъ, каждымъ частнымъ проявленіемъ дѣятельности коллегіи „пропаганды“, каждымъ проявленіемъ ненависти и презрѣнія, не тѣмъ что будемъ преслѣдовать эти частные случаи; все это въ порядкѣ вещей, и, напротивъ, не въ порядкѣ вещей тѣ извѣстные мнѣ, правда немногочисленные, примѣры истинно-христіанской дѣятельности нѣкоторыхъ лицъ принадлежащихъ къ католической церкви и преданныхъ ей, лица эти даже безупречно исполняютъ свои гражданскія обязанности относительно Россіи. (Конечно пока не будутъ затронуты интересы ихъ церкви), но что же это доказываетъ? они честно исполняютъ свои гражданскія обязанности *несмотря* на то что они добрые католики! Вотъ и все! Строго послѣдовательный атеистъ тоже не можетъ быть хорошимъ Русскимъ гражданиномъ; однако я знаю и зналъ между ними прекрасныхъ людей и примѣрныхъ гражданъ! Но исключенія только подтверждаютъ правило, а возмущаться всѣмъ этимъ все-таки безцѣльно и неосновательно. Подтвержу это нижеслѣдующимъ соображеніемъ:

Мы негодуемъ и возмущаемся совершенно справедливо когда въ насъ неожиданно стрѣляютъ изъ-за угла, когда на насъ нападаютъ среди полнѣйшаго мира. Но если война давно объявлена и находится въ полномъ разгарѣ, если мы видимъ идущихъ на насъ вражескихъ воиновъ и если они открываютъ по насъ огонь, можемъ ли мы этому удивляться и негодовать на нихъ?! Мнѣ кажется удивляться можно только наивности удивляющагося!

Но что же намъ дѣлать? опять спросятъ меня, не радоваться же тому что все это дѣло совершается такъ логично и послѣдовательно у нашихъ враговъ, что они безнаказанно берутъ въ плѣнъ нашихъ зазѣвавшихся воиновъ, прельщенныхъ блескомъ и изяществомъ вражскихъ мундировъ? не утѣшаться же намъ безплоднымъ философствованіемъ о томъ что мы молъ правы, что правда на нашей сторонѣ, и т. п.

Нѣтъ! Конечно нѣтъ, мы слишкомъ долго бездѣйствовали, повторю я, слишкомъ долго сидѣли сложа руки, думая что вотъ какъ-нибудь все это само собою устроится.

Нѣтъ, безполезно останавливаться надъ частными случаями, безцѣльно *преслѣдовать* частныя отпаденія, ибо всякій неофитъ, ежели онъ человѣкъ серіозно убѣжденный—самъ идетъ на мученичество, ищетъ его (это отличительная черта именно *Русскаго* религіозна-

го человѣка)*. Нужно подумать объ общемъ вопросѣ, обсудить его во всей его полнотѣ, начертать общій планъ всей „кампаніи“, а главное должно укрѣпиться самимъ, у себя дома, изучить нашу собственную религію, которую знаемъ такъ мало и такъ *внѣшне*, понять нашу общность съ остальными православными церквами, понять что мы должны поддерживать нашу церковь, удѣлить ей мѣсто въ нашей вседневной жизни, защищать ее всюду, гдѣ бы на нее ни нападали, не отмалчиваться когда противъ нея пишутъ небылицы, быть постоянно „на сторожѣ“, защищать ее хотя бы изъ тѣхъ чисто утилитарныхъ соображеній что вся наша сила, или по крайней мѣрѣ главная часть нашей силы, состоитъ именно въ нашей связи съ Церковью, а главное, не слѣдуетъ предаваться наивной надеждѣ что мы можемъ гарантироваться отъ пораженій, установить прочный миролюбивый modus vivendi съ Ватиканомъ, при помощи какихъ-нибудь конкордатовъ, подъ сѣнію которыхъ намъ можно бы было „комфортабельно“ вздохнуть!

Это было бы величайшая наша ошибка. Съ Ватиканомъ не можетъ быть никакихъ прочныхъ соглашеній, укладовъ, конкордатовъ; онъ будетъ относиться къ намъ какъ должно лишь въ томъ случаѣ когда будетъ знать что мы не дадимъ надъ собою издѣваться, не дадимъ себя морочить такими милостями которыя въ концѣ концовъ обратятся противъ насъ же самихъ. Мы должны помнить что католицизмъ уважаетъ не *правоту*, а *силу* и преклоняется только предъ нею.

А. КИРѢЕВЪ.

* Вмѣстѣ съ тѣмъ конечно должно отнять у него возможность вліянія на другихъ, возможность косвенной или прямой пропаганды.

Дозволено цензурой Москва, 12 января 1888 года.

Въ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ.

Из фондов Отдела
РУКОПИСЕЙ
БИБЛИОТЕКИ СССР
им. В. И. ЛЕНИНА